

тельный ход событий: нашествие совершилось, и город взят и опустошен. Такие картины не в духе эпоса, но они вполне в духе исторической песни.

Мне приходилось писать в другой статье, что, вероятно, аналогичное начало, но с включением мотива похвалы вражеского царя, было и в предполагаемой песне о Евпатии Коловрате.⁵ Но там сюжет дальше развивался в героико-эпическом плане, как сюжет о мщении врагам за разорение родной земли. В песне об Авдотье Рязаночке мы имеем дело с иным сюжетом — об освобождении рязанцев из плена и о восстановлении города. Этот сюжет можно рассматривать как завершение Рязанского песенного цикла.

Тема возрождения Рязанской земли развивается и в «Повести о разорении Рязани Батыем». Заключительные ее эпизоды повествуют о том, как вернувшийся домой князь Ингварь Ингоревич погребает убитых рязанцев, совершает молитвы и оплакивает мертвых, собирает всех оставшихся в живых: «И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и манастиры согради, и пришедеши утеши, и люди собра».⁶ Не выходящий за пределы летописной достоверности рассказ строго выдержан в духе всей идеологии памятника: город возрождается божьим промыслом и стараниями князя.

С совершенно иным комплексом представлений, реализуемых совсем в иной художественной форме, мы встречаемся в рассматриваемой песне. Она тоже заканчивается картиной возрождения города: в Рязань возвращаются освобожденные Авдотьей из плена люди; Авдотья

...построила Казань-город наново,
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось...⁷

Заключительные слова песни придают ей характер большого исторического обобщения: не княжескими заботами, а героическими стараниями простых людей совершается возрождение опустошенной вражеским нашествием земли.

Авдотью песня называет «молодой жenkой». И эта характеристика, и сюжет песни говорят об одном: Авдотья — не княжеского и не боярского рода, она простая горожанка, и уже одним этим она резко выделяется в ряду женских образов русской литературы и историко-песенного фольклора XI—XIII вв. В литературе немногочисленные женские персонажи всегда принадлежат к высокому социальному кругу, хотя в них и могут выражаться народные идеалы (Ярославна). Только в XV в. будет создан обаятельный образ крестьянской девушки Февронии, но он получает право на существование лишь постольку, поскольку Феврония из дома «древодельца» попадает в княжеский дворец. Заметим, между прочим, что Феврония происходит из Рязанского княжества.

В былинах женщины действуют чаще, но обычно либо как богатырши (поленицы), либо как невесты, жены, матери богатырей (разумеется, почти всегда отрицательный образ княгини Апраксии не в счет); к тому же на их долю редко выпадает в былинах ведущая роль.

Совершенно ясно, что Авдотья приходит в песню не из эпоса и не из книжной литературы. Образ Авдотьи — новый в русском песенном фоль-

⁵ ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 137.

⁶ Цитировано по тексту, подготовленному к печати Д. С. Лихачевым (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 301).

⁷ Онежские быliny, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 374.